

ЮНА ЛЕТЦ

Муршание философа,
безающего по своей оси

Юна Анатольевна Летц Шуршание философа, бегающего по своей оси

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6574098

*Шуршание философа, бегающего по своей оси: ИД «Комильфо»; СПб.;
2012*

Аннотация

Происхождение снега, фермер, высаживающий мысли, колдуны, суперсамки, регистрация смысла жизни, пособие для бродячих мальчиков, биосхемы влюбленных, столкновение с криком, каменные мимы, многополые люди, подделка брендабог, кабинки с автоматической любовью, месмерист и большие над нами создают «Шуршание философа, бегающего по своей оси».

Это книга предчувствий.

Содержание

КОГДА ТЫ УВИДИШЬ СНЕГ	4
ДЕРЕВЯННЫЙ ЧЕМОДАН	13
ВСЁ В ПОРЯДКЕ: ГРАНИЦА ИСЧЕЗЛА	26
ЖИВОТНОЕ МУРАШКИ	33
УЗЕЛ И ШИПИТ	41
НИКОГДА ТАК НЕ ДЕЛАЙ	48
САТОРИ	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Юна Летц

Шуршание философа, бегающего по своей оси

КОГДА ТЫ УВИДИШЬ СНЕГ

Мимика садится на стул напротив окна и начинает медленно продвигаться мыслями от стекла к названиям зимы, начинает понимать пространственность, помещать себя внутрь этого мягкотного, стослойного города, где плетутся случайности, как нитки в носки соединяются люди – поступки, телефоны, предчувствия, всё это есть тут. Наверху пыхтит фабрика по производству снега, звенят глухие колокольчики – это же хрустальная тишина, точнее – умолчание. Мимика тоже здесь, тонко вводит себя в это тугое целое, входит, не создавая раны, и теперь вместо мыслей у неё состояние, а сама она из натурального снега.

Город разделён на снежинки и правила, теперь он в восемь углов – колпаки смешные, глаза во все стороны, крутится фонарь в шапке, гремит гирлянда из окон, и человек расширяется прямо, кидает впечатления в общий котёл, кидает впечатления, и всё летит туда, где вымешивается разумное счастье для всех, гигантское общее счастье.

Счастье вымешивается там, а она сидит тут, напротив окна – тонкая, вонзилась в пространство и сидит тут, на стуле, передвигаясь мыслями от стекла к названиям зимы. Она не видит человека перед собой, но она ощущает его, этого странного парня, который никогда не видел снега. Она узнала его давно. Мимика узнала, что человек не может понять устройство этого мира, если он никогда не чувствовал снега.

Она вспоминает, как он осторожно выкрикивал имена птиц, предлагал им тестяные шарики, как он лепил фигуры из теста и кормил ими птиц, которые жили около океана. Иногда это были большие птицы, но редко: большие всегда боялись подлетать близко, а маленькие спокойно подлетали – это так всегда. Его звали тогда Рошель, и он сначала был, как и многие, лукавый и дурной, но потом у него как-то изменился взгляд, и она увидела, что он сам не знает, кто он такой. Но это его не пугало, он выглядел очень смелым, несмотря на это. И когда Мимика ходила с ним к океану, чтобы посмотреть, как птицы едят с его рук, в эти времена Рошель был так уверен в себе, так крепок, словно у него никогда не было пробела в чувствах, как будто однажды тайком он всё-таки чувствовал снег. Летал куда-нибудь к полосатой горе на картинке – специально, чтобы увидеть там снег.

Однако он не летал. Это была имитация собственного развития. Он всё же никогда в жизни не видел снега.

Тем не менее Рошель был немного похож на избранных. Он смеялся над собой, когда шарики заканчивались, и ру-

ки становились свободными, он показывал на себя пальцем и смеялся так раскованно. В эти моменты он был такой подвижный, такой радостный. Но всё-таки кое-что было странным и тогда: он смеялся без звука, ничего не выходило из его рта – ровная длительность тишины. Некоторые люди не чувствовали себя способными на голос.

Мимика радовалась с ним или успокаивала его, она подходила и окутывала мужчину своим искренним телесным объятием. Это был единственный случай из возможных, когда она выпускала из себя теплоту публично. И мужчина сжимался в её руках, и становился как тестяной шарик тоже, но она бы ни за что не отдала его птицам.

Всё бы ничего у них, кроме того, что Рошель никогда не видел снега, а ещё кроме того, что он смеялся без звука, и она долго боялась, как бы он однажды не исчез. Это часто случалось теперь, что люди исчезали – не в один момент, но постепенно, и Мимика очень боялась, потому что она никогда не сможет его больше найти, если он вдруг исчезнет.

В этой заспанной бухте исчезало многое, не только люди. Здесь исчезал сам повод становиться другим, и никто не хотел меняться в этом фрагменте мира, где океан вымешивал человеческие надежды, дезинфицировал солью, где можно было сидеть бесконечно около грандиозной воды, рассматривая не «курсы волны» – падения и взлёты, но наблюдая, как шевелится животворящая махина, кокетничает, не называя себя высшим разумом.

Этот океан... Что-то в нём странное было, как будто не вода внутри, но память о воде. И вовсе эти волны не были мокрыми, не пропитывали собой одежду и не вторгались в уши. Это была совершенно сухая вода.

– Ты видишь это? Вода не такая.

– Я никогда не видел другой. Я не могу усомниться в её подлинности.

Там долго можно было сидеть, на берегу, и они сидели. Мимике были непонятны эти пароксизмы свободы, которые у некоторых тут случались, но ей были доступны разнозаряженные мурашки и внутренняя дрожь при воспоминании о прошлом. Рошель не мог бы понять этой дрожи. У него память была закольцована на недавних событиях, на птицах, шариках и на этой примитивной сухой воде, которую и разбавить-то было нечем: настолько негодна...

– Неужели ты совсем не помнишь? – решалась она.

– Чего не помню?

– Раньше океан был другим: мокрые тела, соль и лежать на воде.

– О чём ты?

Мимике хотелось рассказать ему, хотелось знать с ним настоящее одно и то же. Но Рошеля вполне устраивала безучастная влага и дрессированные птицы, выточенная гора и рыхлый плешивый пляж. Его устраивали эти каменные народы, подверженные торпидному развитию вялости, которую принимали за самобытность. Люди были гулкие изнутри –

не потому, что глубокие, но потому, что пустые: все они боялись жадно жить. И Рошель не видел смысла в том, чтобы обрушиваться на них своим протестом, и, значит, согласен был жить так, как ему предлагали – среди подделок.

– Это искусственный интерьер, – заявляла она так уверенно.

– Всё ненастоящее тут.

– Расскажи, как должно быть, – мужчина старался быть вежливым.

Она простодушно брала его за руку, закрывала глаза и уходила в этот мир, который он не умел представить.

– Я помню, как сажусь около открытого окна и начинаю медленно продвигаться мыслями от стекла к названиям зимы. Я вижу белый цвет, и я уговариваю его отдать мне немного силы, я подставляю ладони, и туда падает снег, туда летят кристаллические узоры, информация и соль из человеческих тел. Эта концентрация мира в одной снежинке зашкаливает. Снег – это форма знания, метафора. Теперь мы ничего не знаем, потому что того мира нет. Хлопья снега... Раньше это были слова, иероглифы, сообщения, а теперь всё молчит.

– Когда раньше? – он сбил её, заскучал.

Мимика вздрогнула, но ответила:

– До того, как начался передел.

– Ты мне никогда не рассказывала...

– Я расскажу теперь. Это была эпоха безумия. Кража лич-

ности начиналась с рождения. Нам давали готовые смыслы. Они сумели предотвратить музыку, предотвратить искренность – слишком накладно. Нас вшивали в реальность, как чип, не способный изменить идею себя... Если баланс нарушается, человек уже не человек.

Она осеклась, сделала перерыв на воспоминание. Потом продолжала:

– И когда всё произошло, мы оглянулись и увидели его...

Отражение. Мы сами всё это сделали.

– Что вы сделали?

– Скоро узнаешь. Я решила: мы пойдём туда, и ты всё узнаешь.

Мимика успокаивалась этим обещанием. Вставала на ноги и шла впереди. Кто-то хватал её за историю жизни, но она шла, куталась в тело мужчины, приманивая его нежностью, завлекала его, вела собой.

По сторонам расползалась очевидность, как слизь. Это было жалкое самодельное чудо, игра коротких ощущений, веревочное сердцебиение. В какой-то момент чутье реальности пропало: шли бытовые выставки день за днем, и человек не умел прыгнуть в более высокое, мечты словно заржавели, фантазии... Никто не имел такта, никто не понимал красоты. Интуиции вываливались из затылков сгустками однообразного смирения, традиции не удерживались на волоске – выкидыши равнодушия. И ещё эта бесконечная ложь вокруг. Человек ослаб, облепил телом запревшую душу и ослаб. Не

было сил искать настоящее: воду, чтобы плавать, эхо, чтобы кричать, любовь...

...Мимика готовила Рошеля, как умела: сначала они пытались понимать красоту – момента или ощущения, больше тут не на чем было учиться. И она рассказывала ему об изысканности облаков, и она выискивала микросмыслы в поведении людей, и она проливалась на него всем своим существом, как свет – крупными каплями озарений.

Начисто вымытая действительность, лишенный форм и замыслов мир позировал людям. Спокойные, наползающие друг на друга дни составляли чѐрствое месиво жизни. Рошель начал замечать подвох: теперь он жил, делая заготовки впечатлений, теперь он ждал. Мимика знала, что скоро это случится. Скоро, очень скоро он увидит снег. Конечно, он изменится тогда. Все люди меняются, когда впервые «увидят снег».

У обоих горло давило от предвкушения – так давило, что чуть не задохнулись, но всё же не задохнулись, а вместо этого шаг за шагом пошли. Отправились туда, за своими ответами – выбрались на дорогу, о которой знали немногие. Теперь у них была дорога, и они шли. Они шли по цветной вздыбленной реальности, и они меняли молодость на опыт и краски на классику, и они учились видеть сквозь предметы и понимать эти тайные знаки, которые нарождали цивилизации, те, что вели вперед избранных.

Сначала это была имитация состояний, потом это был

твердый дождь – неподвижный; стены, дома. Полусны. На каком языке идет снег? Никто не знал этого языка. «Язык жизни?» Просто слышалось.

Так они рыскали, искали выходы, но мрачно, сухо, времени не хватит на объяснения. Древние обозначения чувств, как стены с облупленной краской – ничего не работает так, сигналы забыты. Клетки, загнанные в ткань. Искусственное формирование эмоций, сбой в нервной системе и проблемы с индивидуальностью. Ложная интерпретация реальности.

Люди шли так долго, прятались и появлялись. Наконец, момент настал. Они добрались до металлического горизонта, такие стояли повсюду. Плохо скроенные декорации атмосферных явлений: молнии из диодов, фарфоровые закаты, пластиковые брикеты созвездий. Мимика осторожно заговорила:

– То, где мы живём, это не мир, это гигантская вросшая в материю база, где создано подобие мира. Никто не знает, как отсюда выходить, хотя выходов очень много, и здесь тоже есть.

Она подошла к стене и положила на неё руки.

– Было такое время: люди закодировали свои главные состояния. Природа сделала то же самое. Люди забыли свой код, а она... Посмотри.

Скважины скрипели, стояли на своем, но вскоре дверь отошла – оказалась не заперта. Видимо, самое сложное было в том, чтобы найти этот проход. Дверь отошла, и они оказа-

лись у большого окна. И когда свет бросился на них, мужчина почувствовал что-то такое... Он подождал, пока глаза привыкнут к новой яркости, а потом посмотрел перед собой: там была глыба из пространства.

– Что это?

– Не бойся, милый, – ответила она, задыхаясь от собственных слов. – Это холод, просто холод, и это материя, твердая пустота. Когда-то тут был снег, и что-то осталось – это ощущение, как память о нём, я рада, что ты чувствуешь... Когда-то существовал снег, но теперь он только в моей голове, и каждый раз, когда я сижу около окна, мне кажется, что вот-вот понесётся сверху... И эти узорчатые снежинки – как озарения человеческие, красивые, как мечты, как высшая форма мысли, и ни одной похожей – теперь этого нет. Люди создавали снег своими мыслями, но теперь он невозможен – всё упростилось. И снег невозможен.

Рошель стоял перед этим и не мог ни слова произнести. Мимика осторожно приблизилась к нему.

– Теперь ты знаешь всё обо мне, теперь ты чувствуешь моё прошлое. Обними меня, я замерзла.

Он осознал воду у себя на лице, и он понял, какой должна быть настоящая вода. И они прижались друг к другу, и смотрели в окно, за которым бездвижно лежало немое холодное царство.

ДЕРЕВЯННЫЙ ЧЕМОДАН

Кожа кожаная, но бумажная – используется для письма: сам на себе что-то рисует, на деревянном чемодане рисует, а ещё с бабушкой ходили во вторник на блошинный рынок, и она ему ручкой на внешней стороне ладони записала номер телефона – куда звонить, если человек- *он* потеряется. А другие люди смотрели.

Там какие-то родственники приехали, и им понадобилось суверенное что-то – сувениры, поэтому они все ходили между больших столов и смотрели на эти столы так внимательно, чтобы не пропустить ни одного насекомого. И Марис тоже пытался увидеть хоть сколько-то, но блохи ему, как назло, не попадались вообще, зато попадались разные смешные вещи. И он хотел трогать все, но его окрикивали каждый раз, и ему только удалось потрепать немного резиновую лошадку из шины в отдельном павильоне для жалости, куда родственники зашли, перепутав дорогу, и откуда выходили так быстро, словно на них кинулись все невидимые блохи мира.

С блохами закончили и ехали куда-то, потом лифт немного застрял, и Марис кинулся в угол, чтобы бояться компактно, и голову зажал обеими руками, но голова всё равно боялась больше всего. А потом его вынули из угла и куда-то тащили за руку, и эта рука была как веревка – отдельно, а тело отдельно. Иногда ноги спотыкались, веревка натягивалась, и

это была непонятная игра.

Потом они все где-то ели, и лежала большая пицца, и ему нравилось это – сматывать оттуда сыр, а другие ели её вместе с тарелкой. И все вели себя как взрослые, только один человек иногда говорил такое непостижимое, что сегодня яблочный день, и всем надо прыгать через горящие предложения – он плохо говорил на общем языке, и вообще это была девушка, так что все улыбались и молчали.

Этим днём спали все вместе в большом белом доме, а на заборе сидели птицы, и странная девушка говорила, что это секретари, и ходила искать, чем они пишут, вышла прямо на улицу, ну и потом, конечно, её уже не вернули в общую комнату. А может быть, она сама не вернулась...

Все очень хорошо поспали, и встали довольно поздно, но даже когда встали, никто не высовывался из своих комнат, но все что-то с собой делали – стали такие блестящие с головы до ног. А потом они куда-то поехали, и в машине лежали разные коробки, и деревянный чемодан, который тоже пытались подарить, но потом выяснилось, что это его личные вещи, и некоторые были *сконфужены* – такое смешное слово. И он тоже попробовал сконфузиться, но так по-дурацки у него не получилось.

Там был такой большой зал, и играла музыка, всякие лампочки, и можно было носиться друг за другом, как будто светские люди, и всё бы хорошо, только зачем-то привезли раскоряку. И он ходил такой добрый, как страшная доброта,

и там танцевали все внизу, а он смотрел сверху и улыбался, как добрый. У него же ноги разной высоты – и как он будет танцевать? Поэтому он вовсе не танцевал, а стоял на ступенях и смотрел, как люди из стороны в сторону двигаются.

Это был человек-брат в прямом смысле. Они раньше спали в одной комнате, ну и всякие разговоры по вечерам, а потом Мариса отправили совсем в другое место жить, и они редко начали видаться, только по праздникам, или когда приезжали разные люди, гладко причесанные, которые привозили такие вот вечеринковые дни с танцами и прогулками среди различных вещей.

Сейчас праздник был в самом разгаре, все много бегали, а потом принесли стены от вафельного поезда, и Марис съел целый вагон, отчего ему вдруг так сильно захотелось спать, что он устроился в кресле прямо перед сценой, и иногда его будил этот дым, который выпрыгивал из трубки, но потом он перестал обращать на него внимание.

В кресле было так хорошо, но недолго. Вскоре он ехал в какой-то машине, и было очень холодно, так холодно, что руки тряслись. Он трясся и стирал слюной номер телефона, написанный на руке, но никто его не окрикивал, потому что все лежали такие сонные, а кто-то всё время хрипел, как будто подавился – слишком много воздуха заглотил.

Бабушка была единственной настоящей родственницей. Это он не сразу понял. Целовал всех как родню, показывал свой чемодан – внешнюю сторону, но только сначала так; по-

том он заметил, что больше никто из них ни разу не приезжал, и только бабушка приходила. Тогда он перестал целовать всех, и сразу же начались перемены, и его некоторое время гнобили – очень вежливо, неприятно, как-то так, будто бы *по-семейному*, что он чуть уже не сдался, но всё-таки справился, и к нему больше не подносили чужие щёки для целования.

Потом ещё другие появились сомнения: все эти вечеринки, пиццы, рынки – из раза в раз одно и то же – что это могло быть? Где-то в книгах он читал про разные семьи, и как они ездили на пикник, и катались на машинках, и ходили на карусели, и смотрели представления, и много чего ещё – это, кажется, и было по-настоящему, хотя ему никак не удавалось сравнить. Тут ни у кого не было таких семей, а бабушка никогда не общалась на эту тему, как бы он ни уговаривал, она всегда отворачивалась, а один раз даже заплакала, и он больше не решился у неё спрашивать.

Что-то ему тут не нравилось, но он не мог никак понять, и в итоге решил, что ему надо исчезнуть отсюда, лучше всего потеряться, как будто не туда зашёл. Это было непросто организовать, потому что за ним всё время следили, как за ребенком, и эти дурацкие телефоны на руках – почти не сотрешь.

Требовался план, и этот план у него был, и этот план Марис давно уже воплощал. Сперва он начал ходить потерянным, чтобы все потихонечку привыкали к мысли, что его нет.

Потом он перестал рисовать на своём чемодане – раньше он каждый день что-то рисовал, но теперь ему пришлось запрягать мелки. Дальше он стал совершенно послушным – в той манере, которая была ему присуща.

Теперь был заключительный этап. Машина остановилась, и не было никакого света небесного, и не было никакой причины, чтобы летать, поэтому все секретари спали, и запись не велась (*у птиц были стеклянные глазки – глазки, сейчас они казались прикрытыми*). Машина остановилась, и всех повели в дом, но так небрежно повели: один зевнул, а другого вытошнило – в общем, охранники были сегодня не в форме, а ворота так медленно затворялись, и водитель как-то случайно просмотрел – в итоге Марис выскочил на улицу и потерялся. По-настоящему, так, как и задумывал. Марис потерялся и сначала стоял один среди всего этого дорожного шума, а потом быстро бежал от него – туда, где поспокойней.

Забежав в тишину, он остановился и сел на чемодан. Хотелось бы что-то нарисовать, как-то успокоиться, но руки не отлипали от груди, и надо было качаться – выбояться как следует и дальше уже уверенно продолжать побег. Он качался на чемодане и смотрел на равномерный асфальт, и совершенно не знал, что же ему делать дальше. Выходило, что он потерялся на самом деле.

Так он прокачался довольно долго, и почти уже было не страшно, и руки перестали дёргаться, но ещё немного вспыхивало в середине лба. Тогда он открыл чемодан, сбоку ле-

жала старая тоска, он взял её в руки, и в голове всё начало вставать на свои места.

Откуда взялась эта тоска? Такое ощущение – из прошлого, когда они с раскорякой еще жили в одной комнате. Брат плохо разговаривал, в основном, бубнил что-то такое или просто мычал, а ходить вообще почти не умел, и Марису приходилось таскать его на себе, и это была «таска» – так называлось. Раскоряка кричал:

«Таска! Таска!», и брат подцеплял его где-то в районе груди, и так они ходили, очень медленно, как больное чудовище. Кто-то сделал фотографию, и с тех пор он носил её с собой, в деревянном чемодане, это и была старая тоска.

Вот что теперь выходило: надо было спасти раскоряку – вытащить его из того чужого места, потом вытащить бабушку и всем вместе уйти куда-нибудь в Бирюльбин или конусовость, или любое другое захватывающее слово. Но пока идти к ним было опасно – его же будут искать там в первую очередь. Так Марис подумал и отправился на блошинный рынок: узнал у прохожих, где случается блошинный рынок, и вскоре нашёл это место.

Если бы кто-то раньше спросил у него, что такое ночные блохи, он, наверное, сразу бы растерялся и не смог ничего ответить. Но теперь он был бы рад такому вопросу, потому что эти существа...

– Привет, а ты кто?

– Я Марис. А вы блоха?

Девушка засмеялась и махнула в сторону темноты, показывая, что приглашает его зайти внутрь. Она была похожа на ту самую, которая ходила изучать секретарей, только, кажется, причёску поменяла или испытывала новую мимику – Марис не очень хорошо разбирался в девушках.

– Блохи выглядят по-другому. Мы просто ассистенты, – рассказывала она, пока они пробирались лабиринтами.

– И вы покажете мне блох?

– Всему своё время. Пожалуйста, проходи и говори мне «ТЫ».

Там везде стояли огромные коробки – разных размеров, но все такие здоровенные, и на каждой коробке висела лампочка и табличка – Марис никак не мог прочитать из такой темноты.

– Где мы? Я пока не догадался.

– Это картонный квартал. Ночью все должны отдыхать.

– А что на табличках?

– Формулы. В темное время суток сюда никто сюда не придёт, вот они и открыли...

– Кто – они?

Девушка хотела что-то ему прошептать, по крайней мере, Марису так показалось – что она хочет прошептать, потому что она наклонилась к его уху, но потом вдруг выяснилось, что шептать она ничего не будет, и они просто прячутся от кого-то, заправив головы в картонную тень.

– Старайся не говорить так громко, даже если тебя что-

то удивило или взволновало, – наконец, дождался он шёпота в ухо.

– Книжники чувствуют любые изменения среды... Нам лучше скрыться, пока никто не заметил.

Они прошли вдоль главной картонной линии, нырнули в один из поворотов и вскоре сидели в одной из огромных коробок с пустотой. Внутри не было ни единой вещицы.

– А эта комната... Она для чего?

– Это подарочная. Здесь объявляют хорошие новости.

– Почему здесь?

– Не знаю, так принято. Все эмоции держат в одной коробке.

– Понятно. А блохи, родственники?.. Теперь ты расскажешь мне?

– Конечно, расскажу.

Странная девушка достала из кармана ручку и блокнот, что-то написала на листке, вырвала и передала Марису. На листке было крупными буквами написано «слово» и больше ничего.

– Дай это обратно... Видишь, ты дал мне слово?

– Ну да...

– Теперь возьми этот листик, зажми крепко в ладонях и держи его, пока я буду говорить, а дальше положи в карман или куда-то, и всегда носи с собой. И если тебе захочется передать кому-то даже крохотную частицу того, что я тебе расскажу, вынь вот этот листок и поддержи в руках: так мы

сохраним наш секрет.

– Так я научусь держать слово?

– Вот именно. Быстро схватываешь.

Марис очень осторожно свернул листок в трубочку и сжал в ладонях. Он страшно любил секретники и уже предвкушал, какую хорошую компанию эта записка составит старой тоске.

– Пожалуйста, начинай, – обратился он к загадочной собеседнице.

– Хорошо, – сказала она и перевела глаза куда-то на стену. – Я буду говорить с тобой, как с обычным человеком, не как с ребёнком, потому что ты не ребёнок, Марис, ты просто немного по-другому развиваешься. Все люди разные, и ты разный.

– Я разный.

– И поэтому я не буду какие-то особые слова подбирать, просто скажу всё, как есть. Это научный блошинный рынок. С виду всё выглядит как торговля: кто-то продаёт – кто-то покупает, но на самом деле люди приходят сюда, чтобы изменить свою кровь. В прямом смысле. Здесь выводят таких особых блох, после укуса которых человек чувствует себя сильным и решительным, иногда более умным, иногда более красивым – он не только чувствует себя так, но эти изменения происходят на самом деле – не всегда по запросу, но довольно часто в лучшую сторону. Это блошинная лотерея с высокими ставками, новые научные наркотики. Ты знаешь,

что такое наркотики?

– Никогда об этом не слышал.

– Может, это и к лучшему... В общем, наркотики дают кратковременный эффект, который надо всё время поддерживать, а блохи приносят длительные изменения в организм... Многие люди хотят получить сверхспособности и готовы платить за это большие деньги, и они платят, и тогда оказываются участниками одного из спектаклей, которые тут регулярно проходят. Весь блошиный рынок – это, по сути, научно-постановочное представление, научный театр... Когда обнаружили такие реактивы, как «вера», «эмоция», «настрой», стали добиваться естественности от каждого эксперимента. Чтобы человек жил, как обычно, а в это время в нём зарождалась мутация или как это... я не очень сильна в терминологии.

Марис посмотрел на свои руки – они немного расслабились, и «слово» было не так чтобы крепко зажато. «Нет уж, надо выдержать до конца», – подумал он и сцепил пальцы.

– Рассказывают, что началось всё случайно, – продолжала девушка. – Какого-то человека блохи покусали, и это были не простые блохи, но много выдавшие, блохи, которые ели в один день от многих людей... И так склеился вирус, который вызывал все вот эти чудесные изменения – но только у конечного носителя... Долго вычисляли формулу всей этой истории и, в конечном итоге, поняли, что нужны богачи, старики и психи...

– Это ты что имеешь в виду? Я ничего не понял.

– Ну, вам говорят, что это родственники приехали, и вы идёте туда: богатые, старые и тронутые, и блохи кусают всех, кого нужно, потому что это специально обученные блохи...

– А пицца?

– Просто так.

– И вечеринка?..

– Этот дым, который выпускают во время танцев, – этим удаляют неиспользованных блох, чтобы в следующий раз начать всё заново.

Марис хотел бы сейчас броситься в один из углов, чтобы закрыть голову и основательно подумать, потому что у него так сейчас чесалось внутри – новая информация не хотела усваиваться – так много пугающих слов. И жаль, что мозг не делает отрыжку – голова так распухла и напряглась... Надо скорее говорить, побольше говорить, чтобы перестало расти...

– А ты работаешь тут?

– Ну, вроде как. Днём продаю старое серебро. Ночью сижу в подарочных коробках с новыми гостями.

Она улыбнулась. Марис попытался ответить тем же, но у него слабая получилась ответность, потому что, помимо набухшести, в голове тикало какое-то новое чувство: он чувствовал, что где-то рядом вызревает подвох.

– Тебе тут нравится? – спросил он, перекручивая беспокойно листок руками.

– Я вроде как с ними заодно, – ответила она невозмутимо. – Мы, актрисы, корректируем естественные ситуации прямо на месте – если у кого-то припадок, если кто-то слишком много говорит, и всё в этом духе... Это нужно, чтобы не было натянутости.

– Но ты можешь уйти?

– Я могу. Но мне незачем. Платят недурно. Да и ничего плохого они не делают. Ты тоже зарабатываешь свои денежки – учишься в хорошем месте вместе с обычными ребятами. А раскоряка... Его бы давно упекли в какой-нибудь социальный подвал. С такими не церемонятся. А так он живёт в приличном пансионате и может гулять на свежем воздухе и общаться с людьми. Чего же вам жаловаться?..

«Старая тоска, старая тоска» – повторял Марис, чтобы не сделать какую-то глупость, но в какой-то момент это всё же случилось: огромные горячие пузыри надулись внутри головы, и дальше произошла серия таких взрывов (*в мозге?*), и голова начала заполняться чем-то горячим. «Терпение лопнуло», – подумал он и отключился.

... Была широкая, выпученная звездами наружу, была ночь, и парень сидел за столом, а перед ним стоял открытый ноутбук в деревянном чехле. Крышка была разрисована цветными мелками.

– Всё, Марис, всё хорошо, – прозвучал голос, то ли старушечий, то ли девичий, в зависимости от того, где бы находились уши.

Аккуратная рука сняла датчики, прикрепленные к голове парня, затем подползла к экрану, ткнула на «сюжет» – выставила off, отключила режим квантирования и захлопнула деревянный чемодан.

– Умница, Марис, ты хорошо поработал, а теперь – чистить зубы и спать, – сказал тот же голос.

Парень оперся на спинку стула и не без усилия поднялся. Там кто-то поддержал его, и они двинулись к ближней стене, на которой висела раковина, заставленная зубными щётками.

ВСЁ В ПОРЯДКЕ: ГРАНИЦА ИСЧЕЗЛА

Он как раз собирался спать, но тут что-то поехало по его голове, а потом и вообще взбесилось, начало лохматить волосы и наматывать их на себя, и снова лохматить, как в собаку – нежность такая, или игра. Тогда он подумал: «Нет, я сошел с ума, и никакой это не самолет, но я дома, и это рука моей девушки». Чтобы убедиться в этом, пришлось открыть глаза и сразу же увидеть, что вокруг нет ни штор рубиново-серых, драматических, ни каменных картин, ни мерного шкафа, а под ним вовсе не кровать, но тупик. Сомнений не оставалось: это был полет. Предстояло выяснить: может, он во сне? и Талеб грубо вывернул кожу на руке, отчего стало так больно, как подлинная боль, и никаких признаков сновидения.

А чья-то рука продолжала возиться в его волосах, и тогда человек подумал: «Это, наверное, кто-то из знакомых. Увидел меня в зале ожидания, и теперь вот пугает так, шутит так». И он стал размышлять, кто бы мог оказаться на этом рейсе. Конечно, проще всего было развернуться прямо сейчас и посмотреть, но тогда вся интрига моментально исчезнет, а ему хотелось как-то подыграть остроумно: к примеру, дёрнуть эту руку и сказать: «Оливер-гулливер!» или «Эль-

за-стрекоза!», то есть заставить их, в некотором смысле, врасплох.

Он вспоминал и раздумывал. «Кто бы мог полететь вот так, в середине недели, на север страны?.. Может быть, это Линда, пилюльный агент: она часто летает, путешествует так – оса, осень, осенило её махнуть куда-нибудь в глушь и – скука, сколько бы не летал, хоть и во сне; решила пошутить – глотнула виски, порылась в голове у приятеля... Вряд ли, она терпеть не может виски. Может, это Гир-мануфактурщик: он пьющий, и руки у него, как грабли для волос – можно шариться... Нет, это же чушь: Гиру удалили чувство юмора... Или не до конца удалили?»

Мужчина задирает глаза и пытается высмотреть именные отпечатки на пальцах, но – мрак и темнота: ничего не увидел. К тому же, кто теперь читатель по коже? Никто не читатель. На пальцах бы всё объяснить и побыстрее... Ногти хотел рассмотреть, определить, мужчина это или женщина. Сминался в кресле, выводил глаза из орбит, но рука ускользала, и выяснить ничего не удалось.

Если только осмелиться и пощупать её... «Рука же трогает меня, значит, она имеет повод трогать; почему бы и мне не попробовать?» Но у него такие обычные пальцы, рабочие кончики для познания (*тыканием*), и нужная температура как главное качество; он же ничего не поймёт там, ну, разве что кольцо встретится или знак, например, перо (*синица сидела*)... Хотя, какая синица, это же самолёт?! Но – небо;

и это не место для синиц.

...Тaleb хотел почесать голову, но там всё ещё была эта загадочная рука, и тогда он задумал встать, прямо вот так, с наскока. Оперся на подлокотники и выдвинул тело к само-летному потолку, иными словами, поднялся (*сам не ожидал, что осмелится*). Встал и смотрел на того шутника, который был логическим окончанием рукошутки.

Это была женщина зрелого возраста, довольно миловидная, с выдержанным лицом. Он был уверен, что видит её впервые.

Надо было решиться, но он стоял, как дурак, в проходе и всё смотрел на её руку с короткими ненакрашенными ногтями, и всё пытался додумать, что эта рука делала у него на голове. Версий практически не было: что-то про тик, но это никакая не версия. Нужно было проявить решимость, и он как раз захватил проявитель в этот раз, уверовал в личные силы и спросил:

– Простите, а что это было?

Вот так взял и спросил. Даже не поздоровался, даже в глаза ей не заглянул, а всё на руку – как будто с ней и беседовал, с рукой. Однако вскоре это показалось ему не слишком уместным, и тогда он перевел глаза женщине на лицо и терпеливо дожидался ответа, перетаптывался с пятки на мысок, как бы массируя уязвимость. Но обладательница руки только улыбалась и дышала как обычно, сидела как обычно, она была так умиротворена и, казалось, совершенно не

собиралась отвечать за свои поступки. Правда, через некоторое время дамочка всё же открыла свой обыденного строения рот и сказала:

– А что тут было?

Талеб засосал слюну из слюнных желез, сглотнул максимально тихо и старался не выдать своё бесконечное изумление, но голос не слушался, и он говорил, как через трубу. Хотя это только вначале, потом нормально говорил.

– Ну, вы сейчас теребили мне волосы... как бы. Женщина не менялась в лице.

– О, вы об этом.

– Да, я об этом. Кажется, мы совершенно незнакомы, а вы теребили мне волосы в тот самый момент, когда я пытался уснуть. И даже если исключить эту добавку – о том, что я пытался уснуть – то у нас останется вполне себе конкретное действие: вы теребили мне волосы.

– Я теребила, это правда. Но вы же знаете, какое сейчас время...

– Какое время?

Посмотрел на часы: четверть двенадцатого. О чем это могло говорить? Может быть, каждый день за час до полуночи пассажирам этой компании разрешается лохматить друг друга? Может быть, так собирают статическое электричество и потом как-то его используют?.. И вопрос продолжал висеть, как в воздухе подвешенный без вешалки висел, и Талеб помнил, что задал его именно он, значит, отвечать должен дру-

гой человек, поэтому он в который раз метнул взгляд сначала на руки, а потом на лицо собеседницы и приготовился слушать.

Пока он проводил эти мыслительные ритуалы, женщина старательно фиксировала на лице вежливую улыбку, но сейчас та стала понемногу спадать, и она сказала голосом таким, почти бытовым:

– Вы просите меня объяснять очевидное?

– Прошу вас, да.

– Ну, бросьте, это же понятно.

– А мне нет. Я в некотором смысле недопонял. Расскажите, будьте так добры.

Она сложила руки, как-то их переплела между собой, наверное, чтоб не отвлекали, а потом, конечно, вздохнула – такие дамы любили повздыхать, и Талеб уже приготовился к самому худшему, к тому, что сейчас будет долгий душераздирающий рассказ на тему не сложившейся личной жизни, и как четвертый муж ушёл к парикмахерше, и от этого у неё душевная травма, и фобия, и невроз, и особое отношение к мужским волосам. Он уже приготовился, но нытья никакого не было. Женщина убрала улыбку и коротко, по делу, объяснила:

– Сейчас такое время, что границы размыты, и человеческое пространство перестало существовать. Нет никаких запретов и законов.

– Но это же просто невежливо!

– Вежливость постигла та же судьба.

– Но почему вы делали это именно со мной?..

– Ну, во-первых, вы сидите ближе всех спереди, и это определяющий фактор. К тому же, волосы у вас оказались мягкие, и мне понравилось в них копаться. Да и вы должны быть довольны.

– Я должен быть доволен? От того, что чужой человек роется в моей голове?! Почему я должен быть доволен?

– Потому что границы размыты, и у человека есть только два варианта поведения: либо быть довольным, либо не обращать внимания на то, что происходит. Как бы он ни реагировал, он не может ничего изменить. И если я захочу снова потрогать ваши волосы, я сделаю это, и поверьте, никто не сможет меня остановить.

– Но я! Я смогу вас остановить! Я уберу вашу руку.

– Это можно. Но вскоре я снова запущу её в ваши волосы снова. Говорю же: граница исчезла. Тут бесполезно спорить, надо просто смириться, мой дорогой.

Мужчина слушал её и понимал, что в который раз пытается возвращаться в те времена, когда эта ситуация казалось бы абсурдной. А ведь он думал, что рецидива не будет, что он уже приспособился, но иногда они прорезывались сквозь него, как нелепые страхи или непонятные ощущения. Граница же исчезла, а он продолжает цепляться за прошлое...

Тaleb сел в кресло и попытался успокоиться. Лучше всего было поспать. Он закрыл глаза, уложил голову набок и толь-

ко соби́рался раство́риться в забы́тье, как почувство́вал, что кто-то поде́ргивает его за у́хо. «Граница исче́зла, всё в по́рядке», – проговори́л он сам для се́бя, натяну́л пле́д и прова́лился в сон.

ЖИВОТНОЕ МУРАШКИ

Они двигались по узким проходам металлических улиц, огибая скважины, в которых лежала личная чья-то жидкая суша, обходя радиоловушки для воров, уворачиваясь от сканеров и глазков. Они выбрали тёмную гуманную ночь, когда прожекторы плохо справлялись со своей работой: лучи превращались в размазну и ползали пятнами по предметам. В такую ночь мало кому захотелось бы гулять ногами по публичным дорогам или посиживать на открытой веранде за разговорами, но это была отличная ночь для каждого, кто хотел бы провернуть темное дельце.

Они хотели не то что бы именно провернуть, но тоже шли на некоторый риск: если конвой засечет – допросы начнутся, опознания, а там и до коробки недалеко – это когда людей запирали в том месте, где ни коммуникаций, ни дверей; в коробках быстро становились изгоями, то же – неудачниками.

Но они, кажется, понимали, на что идут. Это была парочка: девушка и мужчина. Он немного проще, податливый, но надёжный, а она смелая, настойчивая, это по силуэтам можно было предсказать, и по движениям, из которых видно было, как каждый из них дополняет другого. Теперь парочка замерла и стояла перед дверью около большого фонаря с липким светом.

– Ты уверен, что он здесь живет?

– Здесь. Посмотри на следы: это стопа, целая стопа, значит, у него бывают необычные гости. Люди давно ведь ходят на мысках, крадучись.

– Надеюсь, ты прав.

Девушка подошла к дому вплотную, прижалась ухом к твёрдой тени жилища, а потом легонько стукнула по двери. Оба замерли.

Через некоторое время во внутренней стороне дома что-то шелохнулось, подошло ближе – тяжелое и тёплое, ближе подошло, совсем близко, и гости почувствовали на себе пристальный, напряжённый взгляд. Глаз поискал чего-то через щёлку и отстранился. Прошла ещё пара минут.

– Заходите, – наконец, раздался глуховатый голос изнутри. Они вошли и сразу же увидели комнату. Это была такая комната, в которых что-то прячут, комната-цилиндр с двойным дном, только кролика там не было, хотя, может, и кролик был в этом цилиндре (*люди немного подзабыли, как они выглядят – кролики*). На полках стояли какие-то склянки, мотки нитей, катушки, молотки, наждак и гигантское проволочное веретено.

На полу сидел мужчина, перед ним лежали две плотные блестящие пластины с отверстиями разных размеров. Можно было подумать, что это инструмент – музыкальный инструмент; можно было подумать, что это кафинкис или торча, на таких инструментах играют лёжа, но этот человек сидел, и он вовсе не походил на музыканта, но походил на про-

волочного мастера.

– Здравствуйте, вы проволоочный мастер? – спросила девушка.

– Немного, – сказал человек. – Вам нужна проволока?

– Нет, мы пришли... – начал мужчина. – Нам Феофан сказал, что вы можете сделать то, что мы не застали уже... Хотелось бы их увидеть.

– Присаживайтесь, – сказал сдержанно человек и указал рукой на циновки, что лежали около стены рядом с моточными горшками, из которых тянулись проволоочные фигуры.

Девушка говорила:

– Меня зовут Вида, а это мой муж Яннис, и у нас есть старая машина, она очень старая, и внутри, в салоне, там было что-то такое...

– Вы принесли?

– У нас с собой, да.

Яннис помешкал немного с мешком: руки немели, помешкал, но всё же раскрыл их – руки, мешок, и вынул из полотнища кожаное сиденье, изрядно подержанное.

– Этого хватит?

– Смотря кого вы хотите.

Мужчина огляделся по сторонам, не упустив из внимания окно – вдруг кто наблюдает, но окно было завешено полностью, и даже с крыши не попасть – низкая и вся сплошным потолком ехала. Кажется, можно было говорить. И человек развеялся так сразу, погладил кожу на сиденье, глянул на де-

вушку, кивнули друг другу – и прошептал:

– «Корову». Мы хотим «корову».

Человек-мастер выдохнул воздух, как будто зол был, но он был не зол и не рычащее, он просто смеялся. Он так смеялся: нитки дрожали, цветы в горшках как от ветра туда-сюда растительной проволокой ходили – так он смеялся.

– Вы действительно хотите «корову»? Это странный выбор, обычно хотят собак или бобров. Или тушканчика.

– Но мы корову хотим. Мы думаем, оно было особенное такое, – утвердила девушка.

– «Корова» было красивым животным, – сказал мастер серьезным голосом. – Оно было большим, ростом с дом, так что, вы понимаете, я смогу только уменьшенную копию...

– Это нам подходит.

– Значит, говорите, корову.

– Её самую.

– Ну, что ж. Закройте мешок и спрячьте под полку, я займусь этим, когда не будет опасности. Приходите через пару недель, принесите ещё одно такое – в качестве платы. И будьте осторожны по дороге: ночами патрули дежурят ближе к рассвету, не попадитесь там.

– Мы всё поняли, мастер.

Человек кивнул, опустил лицо, опустил взгляд и продолжил тянуть свою проволоку через одно из мизерных отверстий на деревянной пластине с точными указателями величин как нот, и это была немая музыка.

...Парочка вышла на улицу, разбивая световой ковёр на мистические фигуры, которым не было названия. Спрятали пустой мешок под одеждой, запахнулись в тени, чтобы казаться серее. Мужчина смущенно искрился, и оба были в особом состоянии нервов, настолько особом, что даже вспомнили в один момент вместе о старом подарке: это было слово, тайное слово, которое им подарил один из знакомых – тот самый Феофан. «Взбодоражены» – сейчас оно подходило как никогда.

– А что ты думаешь, мастер их видел? – поинтересовалась она тихо-тихо, пока они выбирались из окрестностей.

– Почему бы и нет? Я читал, что некоторые смогли избежать... И они помнят.

– Как же они смогли избежать?

– Просто не восприняли всерьез.

– Но эти заглушки... Как они смогли уберечься, если все дышат? Как они могли не дышать?

– Какие-то фильтры для ноздрей... Я читал.

– И как они поняли?

– Загадка.

...Две недели промчались стремительно, и вот опять тёмной влажной ночью они крались по мясистым земляным рытвинам осторожно, боясь внедриться в сюрприз, как то ловушка или агрессивные норы. И вот опять всё повторилось у дома: глаз около двери, глухой голос, время ожидания. Человек сидел в той же позе.

- Здравствуйте, мастер, мы пришли, вот.
- Присаживайтесь туда же. Сумку под лавку.
- Хорошо, хорошо.

Потом они сидели в тишине, и хозяин нагнетал предвкушение, и все предвкушали, и это было торжественное вступление, кажется, так можно было определить – как «торжественное» от слова «торже» и вступление. Наконец, мастер улыбнулся и медленно выдвинул из пола ящик, где покоилась тайна.

- Я открою, – сказала девушка, переняв сверток, как опыт.
- Осторожней, милая. Там, наверное, зубы...
- Оно не было хищником, – смеялся проволочник, и все вместе смеялись, пока она разматывала чехол.

Это был такой момент для них сейчас, это был момент, когда они вот-вот должны были увидеть фрагмент времени, которое у них выкрали, отобрали, запечатали маркировкой несуществования. Такой момент... Вида открыла и тут же вскрикнула, не сдержалась:

- Это оно – «корова»! Боже... Оно такое красивое.
- Очень красивое!
- Зубы как стены...
- И рога!
- А тут ещё что-то на животе...
- Это вымя, – пояснил мастер.
- Вымя... Как это хорошо звучит и выглядит...
- Как растянутая звезда.

– И такое ведь бывает! Надо же...

Они теребили это существо, передавали из рук в руки и всё пытались перескочить от обычной вежливости к настоящему восторгу. Им было бы страшно делать это в другом месте: это была такая проблема в их эпохе – эмоции приравнивались к порокам. Быть эмоциональным считалось неприличным, и все, как могли, выгоняли из себя лишние чувства, стараясь посвятить вещам более нормальным – карьере, статусам, накоплениям.

Проблема казалась бы вымышленной, если бы не нападения слабости. Когда они начались, это было как преждевременный маразм: люди становились такими сентиментальными, плакали всё время. Компании рушились, из-за мягкотелых дурачков обваливались биржи и приходили в негодность экономики целых стран. Чем больше было трогательности в природе, тем слабее становились люди. И тогда было принято решение избавиться от всех трогательных вещей. Сначала убили всех зверей (*скрыли из вида на особых континентах*), птиц сослали на острова (*остались как крылатые выражения*), ввели штрафы за сюсюканье с детьми, изъяли из пользования «неправильные» фильмы и книги запаролили книжностью. Романтика стала дурным тоном, любовь перестали искать, её считали неприятностью, симптомом...

...Вида и Яннис смотрели сейчас на «корову» и хотели что-то сделать такое, они не понимали: им хотелось иметь мокрые глаза, но это было так странно, ведь мокрые глаза

обычно имели только пожарники и больные. Поэтому они сдержались. Ещё раз поблагодарили проволочного мастера, сели в машину и поехали домой.

– Это животные...

– Страхи?

– Это животные, – вот что она сказала. – Теперь мы знаем, как всё было раньше. И я чувствую это...

– Что?

Она ещё раз приоткрыла коробку, взглянула на их «корову», потом метнулась к своему мужчине и стала неистово целовать его в губы.

УЗЕЛ И ШИПИТ

Он стоял над ней своевременно, нависал обстоятельством, как вис, но головой вверх. Наждачная тишина и медленная тайна. Сейчас пора было. Она и сама знала: пора было рассказать. И так столько времени держала при себе, всё не могла отпустить. Наконец, села на стул – комната такая упругая, натянутая по углам, и ни одной двери – как она сюда вошла?.. Кажется, что ни одной двери, но это иллюзия, это полумрак клеит глаза, а вообще-то тут одни двери, как будто это кабинет дверей, и вот она смотрит на все эти выходы и будто бы знает, что там по ступенькам вниз магнитные коридоры, там что-то спрятано – невидимое, густое – шевелится...

Как бы это? Подвальное хранилище. Может, интерпретация жизни... Людей тут нет. Вещи особого содержания, хоть и не вещи вовсе: «что-то» конвертировано в однородную информацию, и к названиям приклеены тела, выловленные известными способами: опытом, реакцией; другие на чистых именах держатся. Назови это «каталог невозможного».

– Вот у меня есть для вас... – сказала она подоспевшим голосом.

– Для меня есть?

Мужчина повернул лицо, как бы отдельно от головы – лицо, повернулся, зрачки в одну сторону – понаехали, потом

ещё внешняя благосклонность, улыбка, такт – и как их мастерят (*интересными собеседниками*). Совсем ведь не похоже: чудолобый.

– Куда будете говорить?

– В историю сразу пишете, в общее достояние, или как это у вас...

– Можете своими словами.

– Они все мои. Все, что я буду говорить. Только вот оно новое, не знаю, как и выразить.

– Представьте, что мы приятели, беседуем, и вы мне что-то...

– Сообщение? Я поняла, поняла. Надо расслабиться.

– Просто рассказать.

– Рас-ска-зать... Ладно, ничего сложного. Вот как-то сижу я в своей комнате... Это интересно вам?

– Конечно.

– Вначале окно... Окно. Сижу я, и тут вдруг оно как появилось! Я его отчетливо так увидела. Увидела и сразу поняла, что это новое, его раньше не было в мире... И – да, да, я помню, что количество материи неизменно, но это точно не отсюда. Оно новое, понимаете?! Ну, может, дырка где-то и оттуда полезло...

– И как оно смотрелось?

– Это и есть ваш вопрос?.. Оно не смотрелось само, но я на него смотрела – какой-то узел и шипит. Да, именно так. Ни к чему не пристегнут, висел там, чистый такой, никем

не названный ещё, и, может быть, я первая его увидела, и тоже думаю: надо как-то назвать. А потом стало жалко: вот он передо мной – тайна, а я его готовыми словами...

– Но всё-таки отнесли сюда.

– Это историческое, наверное, для всех людей. Потому и отнесла.

– Ну, а подробней. У вас что-то осталось?

– Впечатление осталось. Но не слишком отчетливое. Это что-то такое – узел. Не совокупность данного, но откуда-то вылезло. Оттуда не лезло раньше, но теперь началось.

– И как вы узнали?

– Я увидела. Человек видит своими качествами, и я увидела своими. Ин-ту...

– Не надо про это. Говорите общими словами.

– Мышь, лень. Ие.

– Ие?..

– Я же рассказала про узел. И шипит. Вы дадите мне билетик?

– Зеленый билетик?

– Он самый.

– Тот, на котором портрет человека?

– Конечно, такой билетик.

– Я вам дам. Но сначала опишите этот узел.

– Это был узел такой... То есть, он не шипел, а шипит. Как имя предмета или собственное. Узел и шипит. Понимаете? Что-то новое образовалось, вылезло, больше не знаю, как и

сказать.

– Но оно плотное?

– Оно из каких-то сил. Я сначала подумала: может, это бог материализовался? Ну, знаете, люди думали столько лет об одном и том же, а потом возникли вот такие узлы и торчат около окон...

– А потом что?

– Стала сомневаться, конечно, решила его потрогать... Не как бога, но чтобы понять, из чего оно состоит. Так я вытянула руку, но его нельзя было потрогать. Его можно было просмотреть, и я просмотрела. А ещё речь... Оказалось возможным его проговорить.

– Вы храбрая.

– Я храбрая. Проговорила «узел и шипит». То, что в голову первое пришло.

– Странное имя.

– Растерялась...

– И где оно сейчас?

– Этого не могу сказать. Я проговорила, и оно исчезло. Ну, как бы засосалось в слова, и ему необязательно стало быть видимым.

– То есть, сейчас оно хранится в том словосочетании, которое вы всё время произносите?

– Вот именно.

– И вы понимаете, что после того, как я дам вам зеленый билетик, и вы подпишите договор, вы не сможете это нико-

гда повторить? Ни-ког-да. Если вы ещё раз скажете это, вас будут судить, как преступницу.

– Зачем вы так?

– Я должен вас предупредить, потому что это обязательное правило. Раньше было ограничение типа «всуе», но теперь мы требуем полного молчания.

– Ладно, я поняла.

– Хорошо. Тогда спасибо за информацию, распишитесь, ещё раз... И держите ваш зеленый билет.

– Вот же, настоящий зеленый!

– Билет. Только вы осторожнее там с ин-ту...

– Я знаю, знаю.

Приёмщик аккуратно сложил бумаги – два комплекта, первый убрал в шкаф, второй поместил в конверт и отдал женщине, потом вежливое лицо и собирался её провожать до одной из дверей, привстал уже, но она так нервно его остановила.

– У меня ещё один вопрос, простите... И ещё раз простите, это, конечно, не моё дело, но я должна спросить, чтобы мне потом всю жизнь продержаться в этом молчании, я должна сейчас узнать: что вы с ними делаете, с этими штуками, которые просачиваются? В этом многослойном пространстве так сложно контролировать...

– На это я не могу вам ответить.

– Что-то секретное. Так я и думала. У вас тут густота крошечная, и ни одного растения даже, хоть бы цветочек в

горшке или деревце... Они же как в тюрьме тут, бедненькие такие, а может, это щенки или дети, и не могут сами себя защитить, не могут вырваться из слов, которыми названы... Жалко их, до чего жалко их! И что-то со мной не так... Как это сказать, как же это сказать?.. Говорю: отдайте мне назад, вот ваш билет, отдайте мне!

– Возврат мы не осуществляем.

– Да что вы такое?! У меня бумаги тут, давайте я сотру, зачеркну – перепишите.

– Никакого возврата.

– Как же это?.. Дядечка, существо, отдайте назад! Отдайте... Иначе я возьму и скажу, я скажу...

Голос сорвался в еле слышное бормотание, и женщина расплакалась, выдавливая со слезами рыб, которые заплыли в глаза...

– Вот видите, эти рыбы, почему вы их не заберете? Они тоже не местные.

– Рыбы у многих. Вот что бывает, если вовремя нам не сдать.

– Если вовремя. Вам. Не сдать.

– Я так и сказал.

– Ладно, что ли... попробовать уйти надо... попробовать уйти. Но это полумандраж: не думала, что так тяжело будет расстаться... Теперь я не знаю... прихожу, а его нет – это как? Он у меня почти в каждой фразе жил, и я так привязалась, держала его своими словами, и он был близкий, гер-

метично упакованный... в жизнь упакованный, такой мой... Рыбы точно не подойдут?

– Нам надо закрываться, извините.

– Вы и так закрыты... Ладно уж, билет мне пригодится, с портретом билет, а это моё... ваше останется тут, его будут изучать, и совсем не страшно... разные опыты...

Гостья встала, руки дергались, лицо, голова, и было невооруженным глазом заметно слово, передавленное в её горле – комок, но другое слово. Так она сотрясалась, и чудолобый тоже натянутый стоял, как бы готовый к самому худшему. Это был решающий сейчас момент: или уйдёт, или скажет. Присутствие летучей фразы, рука на сигнале, готовность номер один...

Женщина откашлялась.

– Всего доброго.

Развернулась и вошла в одну из дверей, где продолжалась одномерная жизнь с понятными вещами.

– И вам всего. Всего доб-ро-го, – ответил приемщик, выдохнул и отключил записывающее устройство.

НИКОГДА ТАК НЕ ДЕЛАЙ

Это черта, которая объединяет всех мужчин в один вид. Это секта без собраний, религия, созданная одной привычкой, одной реакцией на ситуацию, исключения редки и примитивны. Спросите у любого – никто не будет отрицать, никто не будет удивлён разоблачению – тотальное единодушие.

...Пауза открылась, и за ней человек – жизнь, залитая в форму, можно бы и рассказать всё, передать его судьбу общими словами, но зачем спешить? Не будем спешить – выставим паузу как декорацию, а чтобы ещё лучше рассмотреть всё, пойдём в ресторан сегодня вечером, наденем красивые, чистые вещи, водрузим женщину на каблуки и пойдём в ресторан. Там и начнётся рассказ.

Вот они сидят двое: Свили и Миранда. Сидят в одном из ресторанов на площади около торгового центра, где стоит гигантский бронзовый штырь с чертами лица бывшего президента страны, где студенты разных цветов на лестницах кушают гамбургеры, где биолюминесцентное дерево с золотыми частицами в хлорофиле пылает огнями, где солёный на вид асфальт тихо лежит, как прибитый мученик, посыпан белой башмачной мукой.

И это ресторан. Обычный ресторан с обычными девушками на входе – тонкая блондинка в четыре угла: бёдра, плюс плечи и посередине талии нет, талия – это удача семитских

народов, а она из германских варваров, откуда у неё талия. Вот и стоит квадратом у дверей, внушает расположение и готовит входящих к предстоящему интерьеру: чёткие тисовые столы, однозначные стулья – прямые углы, диваны кубистов, и сюда бы картину с изображением яблока-бйблока, но даже и того не стали: всё прямолинейно, конкретно, в самый раз.

Они сидят напротив друг друга, но головы вбок – окно большое, естественных форм. Там город проистекает за стеклом – неравновесие одних с другими, суета, подзуживание, амбиции, в итоге все кувыркаются, прыгая выше головы, и получается циркус, и получается, что все акробаты, хотя кто-то больше акробат. Город движется слева направо – в тупик, который тоже движется, и так из дня в день. Город сосёт из людей: кажется, что хочет удовольствие доставить, но на деле это садистские ласки.

Каждый читает меню. Женщина неторопливо – страница за страницей, желая всё изучить, истрогать внимательно подушечками плоские буквы будущих наслаждений, а мужчина точно – раздел «Мясо» и «Алкогольные напитки». Наконец, каждый заказал – свершилось, что-то заказали и ждут, когда приедет это, на золотистых тарелках с вычурными каёмками. Отодвинули книги с блюдами, сцепили руки и глядят друг на друга, притворяясь счастливыми, хотя третий год кредит платится, а ещё уборочную машинку пора менять – сломалась; везде пятна, и даже на солнце пятна.

К тому же прикупили мобиль, но теперь тяжело с ним –

дороги сами себя боятся, дрожат, и ничего на них не крепится, как будто новая форма притяжения: к ямам сложнее притягиваться. Чинится каждый год, и ещё на бензин отдавать, и кредит как будто не убывает – зловещие проценты вздуваются на дробях. В общем, тот же акробатизм.

Теперь сидят в ресторане, разговаривать особо не о чем, уже взрослые дети – переехали (*в телефонные гудки и «позже тебя наберу»*). Могли бы подурачиться, вспоминая общих знакомых, но виски ещё не принесли, не с чего дурачиться. Ну, обсудили новости, кого отругали, кому вылизали, кто виноват, но как-то без энтузиазма; источник новостей – мягкая заказная гласность, на этом не разгуляешься.

Попробовали распланировать выходные, но что там планировать: к соседям на салаты, у соседей аквариум с четырьмя рыбками, фикус в ведре, мастиф, а его жена сама готовит творог из сухого молока. Четыре этажа вниз – и там уже другие порядки. Никто ни на кого не кричит, разговаривают, как будто шепчутся – тихие омуты. Она работает учителем и носит типичное лицо биологички, а он элитные души чинит (*но если бы души, а то – душевые аппараты*), кривит лицо от плохой погоды, проклиная судьбу и редко меняет футболку, потому что она фирменная и из хорошего материала – такая у него одна. Четыре этажа вниз – это наши герои, которые сидят в ресторане, это о них мы и рассказали вот.

Тарелки, наконец, принесли: у него биф отменный с черри и молодым картофелем, у него шоколадный соус, а она зака-

зала лазанью, что-то ей в голову взбрело заказать именно лазанью, хотя столько других блюд было: и карпаччо, и антрекот, но она выбрала это лазательное, аморфное – никто не заставлял, собственной волей предпочла из множества альтернатив. И вот тут уже начинается раскрытие секрета, уголок подцепили и тянем завесу от пола к рифлёному потолку – разворачиваем идею.

Мужчина нож берет деловито и разрезает весь кусок на маленькие – против этикета, но ему хочется продлить экстаз: перед ним кусок мяса, пышный, средней прожарки кусок настоящей латинской говядины, вынутый из задорной буренки, которая паслась на густых лугах далёкой страны, куда ему вряд ли удастся когда-то попасть.

Он разрезает кусок и чувствует этот запах невероятный, запах счастья и запах тонкой роскошной жизни, где у людей собственные дома в два этажа, а там мебель вся добротная, из ценных пород, и там камин с коваными засовами, и там мини-бар в гостиной, так что можно наливать себе виски, лёд, стакан красивый, с гранями, наливать выдержанный многолетний балвени и садиться к камину в дорогом халате, а рядом такие же успешные друзья сидят, и вы обсуждаете ситуацию на бирже или недавний гольф...

– Можно я у тебя кусочек?.. Как кувалдой по темечку.

– Можно я у тебя кусочек? – это остаётся звенеть у него физиологически в голове, как мысленные конвульсии. Только что он сидел перед камином в дорогом халате и обсуждал

гольф, а теперь эта женщина, вклинившаяся в его жизнь со своими привычками, охотится бесцеремонно за первым, самым важным куском его добычи.

И пока он остолбенело истекает слюной раздражения внутри рта, она, не дождавшись ответа, ныряет вилкой в его тарелку, подцепляет самый красивый, сочный кусочек, нанизывает сверху молодую, придавленную луковой шапкой картошку и с невинным лицом тащит всё это на себя, снимает с вилки зубами, шипит открытым ртом, показывая помятые куски пищи (*горячо!*), потом механически жуёт, глотает всё сразу, и этот шар медленно катится по её горлу.

– Вкусно, – говорит она обычным голосом, вытирает жирные подтеки на губах и переключается на свою тарелку.

Свили не шокирован, это слишком односложное определение; Свили не шокирован, он обалдел от такого. Этот человек, это существо, напротив него сидящее, только что слопало первый кусок его королевского бифа, пышного, средней прожарки бифа, который он собирался съесть у камина в собственном двухэтажном особняке с дорогим фасадом, выложенным толчеными раковинами.

– *Никогда, слышишь, никогда не ешь из моей тарелки,* – говорит он медленно, вязко, как будто стараясь придушить её этой фразой.

– Да брось ты, – кидает она и продолжает выковыривать фарш из тестяных листов.

– Никогда этого не делай, – говорит он, неимоверными

усилиями сдерживая своё желание вывалить её же раскорёженую еду ей на голову. – Никогда, – повторяет он как мантру, накачивая вилкой желваки на руках.

– Слушай, ну чего ты так расстроился, я же просто попробовать хотела, – говорит женщина, повизгивая своим таким чрезмерно родным фальцетом.

Мужчина вонзает вилку в кусок, не сводя с неё глаз, быстро его съедает, и теперь это, конечно, не то, теперь это обычное набивание желудка, и никакого камина нет, и нет биржевых друзей, и он обычный сантехник с сальным животиком, двумя детьми, не проявляющими к нему интереса, женой, пропахшей школьными тетрадками, и с кучей долгов – неудачник, одним словом, конченный неудачник.

– Зачем так злиться? Я же маленький кусочек взяла, смотри, сколько ещё осталось... Между прочим, человека отличает от животных именно способность делиться, – не прекращает верещание женщина. И нет бы как-то это говорила про себя, но она вслух говорит и с таким лицом раздражающе-весёлым, как будто ей и вправду ситуация эта показалась довольно забавной.

Он ещё раз пробует успокоиться, нанизывает вкусный большой кусок и несёт в рот, испытывая последний шанс вернуться в дом с красивым фасадом, и на сей раз ему почти удалось, но тут происходит что-то запредельное: она стаскивает у него черри прямо рукой из тарелки.

– Хотела помидорку попробовать.

Это конец. Мужчина вываливает ей майонез на голову, брызжет кока-колой прямо ей в лицо, разбивает потолок стулом, и ей на голову летит штукатурка – всё мысленно проделывает, но картинки в голове натуралистические, очень реальные. И постепенно у Свили поднимается настроение, постепенно он в себя пришёл, даже улыбается от того, что так эффектно ему удалось ей отомстить за все эти годы устрашающего семейного счастья.

Он даже позор её изобразил: она сидит с этими башнями на голове, а вокруг все смеются над ней, показывают пальцами и смеются, мол, вот такая страшенькая, да к тому же учительница; наверное, пропахла бумагой вся, от женщины ничего и нет.

Такое он представляет, поедая свое мясо, закидывая кусок за куском в рот, так он улыбается оттого, что вечер понемногу налаживается и не вконец испорчен.

– Будьте добры, счёт, пожалуйста.

По дороге домой она идёт рядом, но не слишком, метр или полтора расстояние, обижена, но ему до этого никакого дела, он сегодня в который раз лишился и камина, и дома, и успешных друзей – какое Свили дело до женских обид, когда у него самого такие потери.

И он идёт, шагает ногами по тротуару, и виски блаженно струится по мыслям, в которых мир лучше, чем есть, не идеален, но для текущего момента подходит.

И они заходят в квартиру, там полы все в этих вечных

кошачьих волосах, там новый шкаф в убитой прихожей и ни одного нормального держателя для обуви.

– Свили, прости, я сегодня буду спать в другой комнате, – говорит жена. – Голова разболелась.

Мужчина вспоминает, как недавно бросал ей на голову всякие штуки, и внутренне торжествует от того, что эта злая магия подействовала: люди должны быть наказаны за дурные поступки.

– Ничего, дорогая, я как раз хотел почитать, – говорит он, имитируя небольшое сожаление.

– Тогда до завтра.

– До завтра. И вот ещё что...

Он обрушивает на неё змеиную паузу.

– Тебе понравилось мясо, которое я заказывал?

– Да, оно было неплохим, – женщина отвечает спокойно, ни о чём не догадывается.

– Неплохим?

Он иронически сотрясает её за плечо.

– Нормальное мясо, – подтверждает недоумённо жена (*ни капли сожаления в глазах*).

«Что ж, тогда, может, расстанемся, пока не сожрала всего меня». Но вместо этого:

– Я рад, что у нас похожие вкусы.

...Это черта, которая объединяет всех мужчин в один вид. Это секта без собраний, религия, созданная из одной привычки, и мантра её: никогда, слышишь, никогда не ешь из

моей тарелки.

САТОРИ

Город остановился, всё остановилось. Она, оглушенная словно, залеплена отчаянием, укором, собой, ходит бледная, на пластмассовых ногах и совершенно не умеет запахнуться сейчас, прикидываться. Она идёт по протоптанной, и впереди не следы, но вмятина сплошная из человеческих дорог. Она так идёт, а там ещё какие-то субботники, куличи, события, там ещё люди по бокам живут по плану такому, придуманному любителями закреплять всё и везде (*собственность, желудок, власть*).

Она идёт куда-то, такая послушная – четыре этажа воспоминаний над крышей, каверз и золотые мозги, только теперь всё это пропало, загналось в угол и сидит там, немного беспомощное.

– Вот бы стать лёгкой, как снег, и падать на руки, лица. Вот бы не ждать знаков или просто не ждать...

Потом она здесь. Села и сидит на голубой кушетке, сидит на покрывале бумажном, но ей всего этого не видно, она же в вакууме таком, скомканная в точку – нет ни чувств, ни направления. Вектор засох и отломался. Она сидит там, сидит, а внутри неё пульсирует это тугое принципиальное решение, собирающееся разорвать её жизнь моментально на эти полосы, метания, канделябр, не подставить под кого-то, но пустить по блестящим залам в рубище знатока – бродить,

рассказывать истории про марвинов и изобретение любого предмета. Она сидит так, собравшись в кулачок, и готовится этим кулачком стукнуть трижды глухо из своего вакуума, но со всей силы, стукнуть, чтобы все поняли: это не временно, это вердикт – что-то такое тугое (*да-да, вердикт*).

И тогда каждый пойдёт в свою сторону: она в свою, проблема – в свою, прошлое куда-то тоже и сорок четыре заглушки на колесе; она не собирается паразитировать там, вытаскивать воспоминания. Уже решила, и решение это своей жизнью живёт, ищет запечатления, после которого сотрется всё, что там случилось с ней когда-то: сомнительность, раздвоение, рок.

Сюда заходит человек, указывает ей жестом на что-то, и она снимает одежду и гладит себя по боковому изгибу, проверяя, точно ли она сделает такое, или ещё получится это вылечить, что ли, изменить.

– Присаживайтесь. Вы обдумали всё?

– Я, кажется, обдумала всё.

– Вот тут подпишите.

Она корябает дрожащей рукой по белому потолку, и это не потолок, но бумага, и она корябает там, и скользкое сомнение, как гнида, или как надежда, вьется – объятное, простое, «выбери меня, не делай». Но нет, она же уже приняла, и только закончить линию... Ломанная сердечная... Вот и всё. Пальцы онемели, немые, ни за что не отвечать им. А ей?.. И подпись уже тут. Теперь только голосом дрожать, вот

так: «О, Господи, как это пережить, как это пережить...»

– Спокойней, прошу вас, расскажите, чего бы вы хотели, – обнаружился врач прямо тут, стоял в белом своём халате, и она руки туда: хотела расписаться (*на халате*), но вовремя отдернула, поняла.

– Я расскажу. Нет, я попрошу вас. Попрошу: уберите это из меня. Так тяжело дышать, и ещё эти подёргивания, я так переиграла саму себя, когда-то давно ещё, а теперь осталось... Просто выньте это, и я пойду домой, буду веселиться, видеть цветное, мечтать и бегать босиком по песку, размахивая шелковыми волосами. Я просто не хочу так, словно в вакууме жить, носить чужую судьбу под боком, злиться и не понимать разговоры, не участвовать. Я не хочу такого, а хочу, напротив, излучаться, изучать всё. Давайте же, выньте.

Человек осматривает её с головы до ног, потом подходит и прощупывает где-то в районе пупка, пальцы напряжены – видимо, охотится на нужную точку.

– Сейчас ничего нет. А раньше бывали обострения?

– Было обострение давно, сначала обострилось, а потом... Я его не приглашала, а он пришел – это же тавтология, зачем меня повторять?! Я сказала: «Природа – кто она такая, чтобы приказывать мне?!» И они выпроводили его, чем-то там ковырялись, и он ушел. Так я его ненавидела... А потом, когда я лежала в этой крови, когда смотрела в себя, я поняла, что никогда не справлюсь с этим решением. Он же приходил ко мне, а я выдавила его, выгнала в самое никуда... И меня как

будто перекрутили в обратную сторону тогда, заточили не в тюрьму, но в матку, и я перестала видеть, перестала смеяться, и с тех пор, доктор, я чувствую, что меня каждый день убивают заново и никак не хотят родить...

– Чувство вины – не из простых.

– Но теперь поздно об этом... И если я не могу справиться, то лучше совсем уберите из меня.

– И вы никогда не пожалеете?

– В этом и смысл, чтобы никогда больше не жалеть. Никогда и никого. Теперь мы выяснили, а значит, давайте приступим: выпустим меня оттуда, и я пойду смотреть во все глаза на людей, искать солнце красное в середине мира – находить... свет на шарнире, висячие мосты, питательный юмор...

Последние фразы она уже проговаривала без звука, удерживая щёлку между глазами, где стояла вода. И её трясло, и пот на лице – всё сразу. Когда же это кончится? Врач со-страдательно вздыхал.

– Это непросто, Сатори. Но вы должны ещё раз всё обдумать, и вы должны понимать, что это точка невозврата. Ничто не сможет вас вернуть сюда, в эту ситуацию, поэтому я бы попросил в последний раз взвесить все «за»....

– Но я не знаю никаких «за», я не знаю! Всегда была сильная, жила как хотела, но теперь вот... Я не знаю никаких «за»! Эта ваша точка, что мне с ней делать?! Точка, точка, черта... она должна быть пройдена, это очередное препят-

ствие, и я справлюсь, да, а почему бы мне не справиться? И я справлюсь. Уже подписала всё, не тяните, делайте, наконец!

Врач затягивает кожаные ремни на запястьях Сатори, говорит что-то про кровь, и про широкие вены, и про будущее... «Туда мне и надо – в будущее. Подбросите?» Так она молчит, но мысли громкие, бьются, как тикают, и окружающий вакуум как среда, и все перепуталось. В голове дрожь. Она сжимает глаза и старается согреться, но дрожь эта – внутреннее опустошение. Кто она теперь? Выбитая из сил... Кто она теперь?

Успокоиться. Что-то читала... «При дрожи образуется дополнительное тепло»... «Человек связан с потомством стадией одной клетки»... «Душа – это недоизученные функции мозга»... Всё не то. Успокоиться. Всё не то, но уже не изменить, точка невозврата тогда ещё поставлена была, и лучше сразу себя наказать, и больше никогда-никогда не вспоминать, как она лежала там, и вокруг была кровь, и это была кровь её человеческого продолжения...

Теперь какой-то металл в голове, и это уходит из неё медленно, по прозрачным проводам капельницы, и ей снится, как по ним ползет длинный червь, который растягивается и бледнеет, и становится жидкостью, и входит в её вену... И он выедает из неё трупный яд, который она не смогла вывести из себя сама, и он выедает сначала яд, а дальше заползает прямо в сердце...

– Сатори, просыпайтесь! Просыпайтесь!

Она подняла веки, с трудом, но так хотелось открыть глаза, и она огляделась и увидела себя на кушетке, голубого цвета простынь, по сторонам белые потолки везде, белые потолки, и на них стоит её подпись. Здесь она проснулась, и сразу же надо уходить. И она опускает ногу, ещё слабая, но уже пытается встать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.